

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 232–237

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 232–237

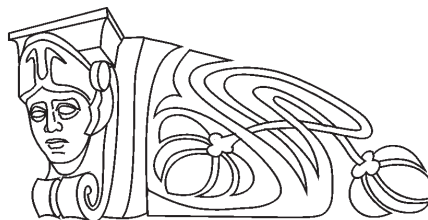
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-232-237>

Научная статья

УДК 821.161.1.09-94+929[Столыпин+Витте+Коковцов+Милюков+Джунковский]

Смерть П. А. Столыпина в воспоминаниях современников: С. Ю. Витте, В. Н. Коковцов и другие

А. И. Ванюков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Ванюков Александр Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, ai_vanyukov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7140-4542>

Аннотация. Трагическое событие 1 сентября 1911 г. в Киеве, смерть председателя Совета министров, министра внутренних дел Петра Аркадьевича Столыпина рассматриваются в «зеркале» воспоминаний известных современников: бывшего министра финансов, председателя Комитета министров Российской империи (1903–1906), графа Сергея Юльевича Витте, министра финансов, ставшего после смерти Столыпина премьер-министром Владимира Николаевича Коковцова, историка, лидера кадетской партии Павла Николаевича Милюкова и генерал-майора Свиты, московского губернатора (1905–1912), товарища министра внутренних дел, командира Отдельного корпуса жандармов (1913–1915) Владимира Фёдоровича Джунковского. В каждом из этих мемуаров раскрываются в соответствии с жизненным, государственным опытом и взаимоотношениями авторов со Столыпиным определённые стороны, грани политического портрета и рокового конца Столыпина. В «Воспоминаниях» С. Ю. Витте мы видим почти эпопейный, политико-государственный и морально-правовой масштаб «диалога», «распри» автора со Столыпиным, осуждение его политики и личности: «сам виноват». В. Н. Коковцов – живой свидетель «события 1 сентября» и прямой наследник Столыпина. Его мемуары хроникально насыщены, документально точны и психологически выразительны. Они были внимательно прочитаны П. Н. Милюковым, борющимся со Столыпиным в Думе и давшим точную характеристику его внутренней политики и метафоры конца («мавр может уйти»). «Воспоминания» В. Ф. Джунковского интересны своим честным свидетельством, патриотическим пафосом, прямым неприятием недостатков охранной службы. Взятые в единстве, эти мемуары дают целостную, выразительную картину исторического события: 1 сентября 1911 г., смерти П. А. Столыпина, помогают за внешним видеть внутренние пружины действия.

Ключевые слова: смерть Столыпина, воспоминания, С. Ю. Витте, В. Н. Коковцов, П. Н. Милюков, В. Ф. Джунковский, свидетельства, оценки, время, портрет, судьба

Для цитирования: Ванюков А. И. Смерть П. А. Столыпина в воспоминаниях современников: С. Ю. Витте, В. Н. Коковцов и другие // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 232–237. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-232-237>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The death of P. A. Stolypin in the memoirs of contemporaries: S. Yu. Witte, V. N. Kokovtsov and others

A. I. Vanyukov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Aleksandr I. Vanyukov, ai_vanyukov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7140-4542>

Abstract. The tragic event of September 1, 1911, in Kiev, the death of the Chairman of the Council of Ministers, Minister of Internal Affairs Pyotr Arkadyevich Stolypin, is considered through the lens of the memoirs of his famous contemporaries: the former Minister of Finance, Chairman of the Committee of Ministers of the Russian Empire (1903–1906), Count Sergei Yulievich Witte, Minister of Finance, who became Prime Minister after the death of Stolypin; Vladimir Nikolayevich Kokovtsov, historian, leader of the Cadet Party; Pavel Nikolayevich Milyukov and Major General Svita, Moscow Governor (1905–1912), Deputy Minister of Internal Affairs, commander of the Separate Corps of Gendarmes (1913–1915), Vladimir Fedorovich Dzhunkovsky. Each of these memoirs reveals certain sides, facets of the political portrait and the fatal end of Stolypin based on the life and state experience, on the authors' relationships with him. In the *Memoirs* of S. Yu. Witte, we see the almost epic, political-state and moral-legal scale of the «dialogue», of the «feud» between the author and Stolypin, the condemnation of his policy and personality: «he is to blame». V. N. Kokovtsov is a living witness of the «event of September 1» and the direct successor of Stolypin. His memoirs are chronically rich, documentarily and psychologically expressive. They were carefully read by P. N. Milyukov, who fought with Stolypin in the Duma and gave his exact metaphor for the internal policy and for his demise (“the Moor may go”). The memoirs of V. F. Dzhunkovsky are interesting for their honest

testimony, patriotic pathos, direct rejection of the shortcomings of the security service. Taken together, these memoirs give a holistic, expressive picture of the historical event of September 1, 1911, the death of P. A. Stolypin; they help to see the inner springs of action behind the external. **Keywords:** Stolypin's death, memoirs, S. Yu. Witte, V. N. Kokovtsov, P. N. Milyukov, V. F. Dzhunkovsky, testimonies, estimates, time, portrait, destiny

For citation: Vanyukov A. I. The death of P. A. Stolypin in the memoirs of contemporaries: S. Yu. Witte, V. N. Kokovtsov and others. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 232–237 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-232-237>
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

110 лет назад, 1 сентября 1911 года (ст. ст.) в киевском городском театре прозвучали два выстрела, смертельно ранившие председателя Совета министров Петра Столыпина. Тайна преступления не раскрыта до сих пор. Какие силы за ним стояли?

Валерий Шамбаров. Август 2021

1 сентября 1911 г. в Киеве произошло событие, которое описывается словами «покушение», «убийство» и далее «смерть» председателя Совета министров, министра внутренних дел Российской империи Петра Аркадьевича Столыпина (1862–1911): «катастрофа, которая... изменила положение вещей» [1, с. 555].

В первых по времени создания (1912) воспоминаниях современников – «Воспоминаниях» С. Ю. Витте [2], бывшего министра финансов, председателя Комитета министров, это звучало так: «1 сентября в Киеве при исключительно театральной обстановке произошло покушение на жизнь Столыпина» [1, с. 555]. В той же главе (гл. 69) «От государственного переворота 3 июня 1907 г. до убийства Столыпина 1 сентября 1911 г.» С. Ю. Витте пишет: «Могут сказать, что это случайность <...> Я со своей стороны думаю, что это не есть случайность, что при том режиме, который водворил Столыпин, так или иначе, а дело должно было кончиться его гибелью» [1, с. 557]. И весь ход мемуарного повествования последовательно и убедительно (с точки зрения автора) ведёт к этой трагической точке политического сюжета, связанного с именем Столыпина. Понятен личностный, субъективный, сравнительно-оценочный момент в изложении С. Ю. Витте, но весь материал, взятый в единстве и целостности, даёт возможность установить наличие в российской государственной системе на её высоком уровне различных политических линий и стилей поведения. Воспоминания С. Ю. Витте интересны как раз своими морально-этическими, государственно-правовыми интонациями и оценками. И столыпинский сюжет особенно показателен.

В 63-й главе «Моя отставка» главным пунктом можно считать раздел «О назначении Столыпина министром внутренних дел и моём мнении по поводу назначения его впоследствии председателем Совета министров»: «В то время

я Столыпина считал порядочным губернатором <...> и потому назначение это считал удачным. <...> но затем каждый месяц я всё более и более разочаровывался в нём» [1, с. 351].

Следующая, 64-я глава уже в своём заглавии «Первая Дума. Столыпин» выводит на первый план взаимоотношения Государственной думы как «первой законодательной инстанции» [1, с. 361] и правительства, Столыпина. Главное: «В то время Столыпин крайне либеральничал: он говорил в Думе весьма либеральные речи, давал всевозможные обещания» [1, с. 366].

Но глава не случайно заканчивается покушением на Столыпина на Аптекарском острове. «Покушение на жизнь Столыпина, между прочим, имело на него значительное влияние, – писал С. Ю. Витте. – Тот либерализм, который он проявил во время Первой Государственной думы <...> с того времени начал постепенно таять, и в конце концов Столыпин в последние два–три года своего управления водворил в России положительный террор» [1, с. 369].

И здесь уместно сделать одно небольшое отступление, касающееся сути действия государственного механизма Российской империи. Современный историк, характеризующий один из важных аспектов «политической жизни России конца XIX – начала XX в.», приводит письмо Николая II своей матери, «вдовствующей императрице Марии Фёдоровне», от января 1906 г., в котором есть нелюбимая характеристика С. Ю. Витте: «Витте после московских событий резко изменился: теперь он хочет всех вешать и расстреливать. Я никогда не видел такого хамелеона или человека, меняющего свои убеждения, как он» [3, с. 146]. В апреле 1906 г. Витте был уволен с поста председателя Совета министров [3, с. 146].

«Да, это было до бомбы Аптекарского острова, а теперь я стал другим человеком», – приводит Витте слова-объяснения Столыпина своего поведения «после катастрофы на Аптекарском острове» [1, с. 369].

Основные «тезы» 66-й главы «Между I и II Думами» продолжают фиксировать политико-государственные разногласия автора со Столыпиным [1, с. 390–393], и вывод С. Ю. Витте идёт в той же морально-политической сфере: «Можно сказать, что Столыпин был образцом политиче-

ского разврата, ибо он на протяжении пяти лет из либерального премьера обратился в реакционера...» [1, с. 393].

Новые грани политического портрета Столыпина С. Ю. Витте раскрывает в 68-й главе «Вторая Дума. Государственный переворот 3 июня 1907 г.» (т.е. роспуск Второй Государственной думы [1, с. 446, 448]). «К этому времени Столыпин приобрёл уже значительную силу и в глазах императора и придворной партии. Сила Столыпина заключалась в одном его несомненном достоинстве, это – в его темпераменте. По темпераменту Столыпин был государственный человек <...> Но в том-то и была беда, что при большом темпераменте Столыпин обладал крайне поверхностным умом и почти полным отсутствием государственной культуры и образования», – живописует граф своего противника [1, с. 446].

«Убийство Столыпина 1 сентября 1911 г.» – основной сюжет 69-й главы третьего тома «Воспоминаний» С. Ю. Витте, это трагическое событие берётся автором в широком контексте политической жизни России: «...после роспуска второй Думы курс правительства Столыпина сделался ещё более реакционным» ([1, с. 453]; «В течение всего времени со вступления на пост председателя Совета министров Столыпина происходили отдельные анархические революционные убийства» [1, с. 469] – «происходило это от того, что Столыпин, вступая в министерство внутренних дел в такое трудное время, не имел решительно никакого понятия об организации русской секретной полиции и об её функциях» [1, с. 470].

Подробно Витте излагает события, предшествующие 1 сентября 1911 г.: «...для мало-мальски дальновидного человека было ясно, что это торжество накануне его политической гибели» [1, с. 546].

Передавая основные содержательные моменты столыпинской «катастрофы», Витте сосредоточился на «последствиях режима Столыпина», его «гибельных итогах»: «В своём беспутном управлении Столыпин не придерживался никаких принципов, он развратил Россию, окончательно развратил русскую администрацию, совершенно уничтожил самостоятельность суда» [1, с. 559].

Ответ на русский вопрос «кто виноват?» для С. Ю. Витте очевиден: «Виноват сам Столыпин: он был министром внутренних дел, он был главою всей полиции» [1, с. 560].

Н. В. Коковцов (1853–1943), министр финансов в правительстве Столыпина, был вместе с ним в Киеве и отразил это событие в своих воспоминаниях «Из моего прошлого» (1933, Париж). В Предисловии к воспоминаниям автор так определил свою позицию мемуариста: «Я не пишу

истории моего времени. Я говорю о том, что было при мне и при моём непосредственном участии» [4, с. 30]. Именно этим интересны и важны для нас воспоминания В. Н. Коковцова: он честный и правдивый свидетель 1 сентября 1911 г. в Киеве. В тексте воспоминаний Коковцова понятия «покушение на Столыпина», «смерть Столыпина» получают реальность исторического документа, пропущенного через свидетельские показания очевидца-современника. Сильными сторонами этого трагического сюжета в изложении Коковцова являются хроникальность, осведомлённость о внешней, парадной, процедурной/процессуальной составляющей события, а также о её внутренней, скрытой, потаённой, метафизической атмосфере.

«27-го августа 1911 г. ... я выехал, как желал того Столыпин, в Киев и прибыл туда вечером 28-го числа <...> Наутро 29-го... я отправился к Столыпину и застал его далеко не радужно настроенным...» [4, с. 37]. Далее, сразу же – характеристика киевской атмосферы и «4 роковых дней пребывания в Киеве» [4, с. 37].

«Два дня мы объезжали город и его окрестности вместе <...> Мы буквально не разлучались эти 2 дня <...> Вместе были на скачках, вместе были в Лавре, вместе вошли и вышли вечером из Купеческого сада», т.е. везде где «легко могло совершиться покушение Багрова» [4, с. 38]. «Вместе мы приехали в 8 ч. вечера 1-го сентября в городской театр на парадный спектакль» [4, с. 38].

И вот пошли театральные кадры – вплоть до «двух глухих выстрелов» [4, с. 40] и кульминационной сцены: «Я побежал к Столыпину, стоявшему ещё на ногах <...> Столыпин, шатаясь, обернулся к царской ложе, совершил крестное знамение в её сторону и стал опускаться в кресло <...> Столыпина понесли на кресле к проходу <...> царская семья появилась в ложе <...> раздались звуки народного гимна <...> государь кланялся публике, затем быстро начался разъезд» [4, с. 40]. Коковцов вышел из зала, узнал: преступник задержан, подвергается допросу, царская семья выехала благополучно, Столыпин отвезён в клинику доктора Маковского.

Он выехал тотчас туда и «распорядился установить какой-либо внешний порядок» [4, с. 40]. В лечебнице Коковцов узнаёт – со слов одного из врачей, – что «дело скверно». «Его слова оказались пророческими» [4, с. 41].

«2-го сентября, с 9-ти часов утра» Коковцов «был уже снова в лечебнице Маковского». Столыпин «немедленно позвал <его> к себе, передал ключи от своего портфеля, просил разобрать в нём бумаги и доложить наиболее спешное государю в этот же день, в назначенное для него время, в 4 ч. дня, а затем высказал желание повидать на минуту генерала Курлова и переговорить с ним наедине» [4, с. 42].

«В 12 ч. было назначено молебствие в Михайловском соборе об исцелении Петра Аркадьевича» [4, с. 43]. Как отмечает Коковцов, «никто из царской семьи не приехал и даже из ближайшей свиты государя никто не явился» [4, с. 43]. Коковцов отправляется «на всеподданнейший доклад»: «Государя я нашел совершенно спокойным <...> он утвердил по обыкновению всё, что ему было предложено именем Столыпина» [4, с. 44]. Коковцов «передал всё, что успел узнать об обстоятельствах, при которых преступник оказался в театре» [4, с. 45].

3 сентября приехал министр юстиции Щегловитов, и возник вопрос «по существу совершенного преступления»: «...следствие успело уже выяснить вопиющую халатность (курсив мой. – А. В.) в действиях охранного отделения, генерала Курлова и его ближайших подчинённых» [4, с. 45].

«Утром 4-го приехала О. Б. Столыпина». Коковцов «встретил ее на вокзале, привёз в лечебницу и сдал больного всецело на её руки» [4, с. 46]. «Его состояние становилось всё хуже <...> он начинал терять сознание, бредил и стонал» [4, с. 46]. Был в лечебнице и государь, больного не видел, пробыл недолго, вынес впечатление, что Коковцов «преувеличивает опасность», и «уехал в Чернигов, откуда возвратился в 6 ч. утра 6-го сентября, не заставши уже Столыпина в живых. Его не стало в ночь с 5-го на 6-е число <...> около 5-ти часов дня больной впал в забытие, не выходя из которого и перешёл в вечность» [4, с. 46].

Утром 6 сентября Коковцов встречает государя на паровой пристани: тот «выслушал ... краткий доклад и сказал, что едет прямо поклониться праху Столыпина» [4, с. 50]. В лечебнице отслужили панихиду, и «государь ... вернулся в Николаевский дворец» [4, с. 51].

Далее события разворачиваются во дворце: государь «со своей обычной улыбкой» «просит» Коковцова «быть... председателем Совета министров, оставаясь, разумеется, и министром финансов» [4, с. 52]. В разговоре «на ногах» намечился конфликт, связанный с «кандидатурой на должность министра внутренних дел» [4, с. 52].

После письма Коковцова, уже из Петербурга, царь согласился на предложение премьера, и мемуарист излагает содержание письма государя, из которого можно было сделать определённый вывод: «В этих словах было явное неодобрение политики только что сошедшего столь трагическим образом со сцены Столыпина...» [4, с. 60].

В следующей главе Коковцов пишет о первом «медовом месяце» в должности председателя Совета министров: поездке в начале октября 1911 г. в Ялту, Ливадию на встречу с государем – и приводит беседу с императрицей Александрой Фёдоровной в контексте столыпинской темы. «Я бук-

вально записал её слова, сказала по-французски: “Слушая Вас, я вижу, что вы делаете сравнения между собой и Столыпиным. Мне кажется, что Вы очень чтите его память и придаёте слишком много значения его деятельности и личности. Верьте мне, не надо так жалеть тех, кого не стало <...> Опирайтесь на доверие государя – Бог Вам поможет. Я уверена, что Столыпин умер, чтобы уступить Вам место, и что это – для блага России”» [4, с. 66]. «В ту минуту, как и теперь, – пишет Н. В. Коковцов, – мне было ясно одно: о Столыпине, погибшем на своем посту, через месяц после его кончины уже говорили тоном полного спокойствия, мало уже кто и вспоминал о нём...» [4, с. 66].

В контексте решения многих вопросов, связанных со Столыпиным и его политикой, в «Воспоминаниях» Н. В. Коковцова выделяется ещё один важный момент, касающийся «дела по обвинению генерала Курлова, Кулябки, Веригина и Спиридовича» [4, с. 175]. Как обычно, Коковцов излагает события, опираясь на первоисточники, в данном случае – на разговор с государем, который «закрыв дело»: «Я хочу ознаменовать исцеление моего сына каким-нибудь добрым делом (курсив мой. – А. В.) и решил прекратить дело по обвинению генерала Курлова» [4, с. 175]. Н. В. Коковцов прямо высказал своё мнение – «только для того, чтобы Вы не имели повода упрекнуть меня, что я не предостерёг Вас от вредных последствий вашего великодушного шага <...> вашим решением Вы закрываете самую возможность пролить свет на это тёмное дело (курсив мой. – А. В.), что могло дать только окончательное следствие, назначенное сенатом» [4, с. 176, 177].

29 января 1914 г. Н. В. Коковцов получил «собственноручное письмо государя о своем увольнении» [4, с. 337–338].

Политические аспекты «убийства Столыпина» ярко раскрываются в «Воспоминаниях» П. Н. Милюкова (1955, Нью-Йорк), это часть седьмая, посвящённая Третьей Государственной думе. П. Н. Милюков (1859–1943) – лидер кадетской партии, председатель фракции в Государственной думе.

В разделе «Разложение Думского большинства (Эволюция Третьей Думы)» Милюков прямо пишет: «Основным ферментом разложения Третьей Думы являлся сам её творец: Столыпин» [5, с. 67]. И здесь же, в контексте судьбы Столыпина Милюков даёт его политический портрет: «П. А. Столыпин принадлежал к числу лиц, которые мнили себя спасителями России от её “великих потрясений”. В эту свою задачу он внёс свой большой темперамент и свою упрямую волю. Он верил в себя и в своё назначение. Он был, конечно, крупнее многих сановников, сидевших на его месте до и после Витте» [5, с. 67].

Изложив основные стадии столыпинской тактики в Третьей Думе, Милюков указывает на основной вектор: «отступление вправо» [5, с. 70], «двойное обличье – либерала и крайнего националиста» [5, с. 74], и выделяет в этой части целый раздел, посвящённый «убийству Столыпина», он называется «Der Mohr kann gehen (Мавр может уйти)» [5, с. 80]. П. Н. Милюков активно опирается на «Воспоминания» Н. В. Коковцова: «Приехав в Киев 28 августа, Коковцов застал Столыпина в мрачном настроении» [5, с. 80]. «31 он предложил Коковцову сесть в его экипаж <...> так разъезжали по городу два министра два дня – и вместе приехали вечером 1 сентября на парадный спектакль в городском театре» [5, с. 81]. В двух предложениях Милюков описал ситуацию – и вышел на покушение: «...не успевший выйти из зала Коковцов услышал два глухих выстрела. Убийца, еврей Богров, полуреволюционер, полуохранник, свободно прошел к Столыпину, стоявшему у балюстрады оркестра, и так же свободно выстрелил в упор» [5, с. 81]. И далее – опять конспект воспоминаний Коковцова: «Коковцов, вместо вокзала, поехал в клинику и автоматически принял на себя обязанности Столыпина» ([5, с. 81] – имеется в виду обязанности премьера). Затем – молебствие в соборе «в полдень 2 сентября» [5, с. 81]. «4 сентября вечером, соблюдая программу, Николай отплыл в Чернигов <...> Столыпин был ещё жив, но уже терял сознание, и царь его не видал. В ночь на 6-е Столыпин скончался, несмотря на успокоительные прогнозы доктора Боткина <...> царь, прямо с пристани, поехал в лечебницу поклониться его праху» [5, с. 82]. П. Н. Милюков идёт по основным событийным моментам, связанным с поведением государя в эти дни: «Коковцов правильно усмотрел в этих намёках “явное неодобрение политики только что сошедшего столь трагическим образом со сцены Столыпина” <...> и если царь выражался намёками, то царица высказывалась прямее и категоричнее» [5, с. 83]. Милюков передаёт разговор Коковцова с Александрой Фёдоровной 5 октября 1911 г. Сразу после слов царицы Милюков приводит строки, вынесенные в заглавие раздела:

Der Mohr hat seine Schuldigkeit getan,
Der Mohr kann gehen

(«Мавр сделал своё дело – мавр может уйти (из трагедии Шиллера «Заговор Фиеско») [5, с. 84]).

И в самом начале восьмой части своих воспоминаний «Четвёртая Дума» П. Н. Милюков как историк-мемуарист отмечает: «Убийство Столыпина 2 сентября 1911 года было естественным концом того этапа нашей внутренней политики, который представлен Третьей Государственной Думой» [5, с. 133].

Интереснейшие материалы, касающиеся «1 сентября 1911 года», представлены в «Вос-

поминаниях» В. Ф. Джунковского (1865–1938), московского губернатора (1905–1911), командира Отдельного корпуса жандармов, товарища министра внутренних дел (январь 1913 – август 1915). Джунковский писал свои «Воспоминания» в начале 1920-х гг., во всеоружии своего опыта государственной службы: по должности 1913–1915 гг. он отвечал за охрану государя и царской семьи. Поэтому он начинает изложение Столыпинского конца (покушение и кончина) именно с охранных аспектов: «Согласно высочайшего повеления, по представлению Столыпина, начальником всей охранной службы назначен был Курлов – товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов, которому, таким образом, были подчинены все представители киевской администрации...» [6, с. 598].

Джунковский сразу же указывает на возникшие «трения», которые неизбежны при таком «порядке охраны», и прямо формулирует свое мнение: «Неправильное по существу и логике решение Столыпина, закреплённое высочайшим повелением, устранявшее местные власти, не замедлило сказаться и на деле, а неправильная постановка дела охраны <...> не могли не привести к катастрофе...» [6, с. 599].

Далее идёт профессиональная хроника: «1 сентября в Киеве в городском театре был назначен торжественный спектакль в высочайшем присутствии <...> была избрана особая комиссия (по воспоминаниям Курлова, стр. 144. – А. В.) для распределения билетов» [6, с. 599]. 2 сентября «вся Россия содрогнулась, прочитав телеграмму министра императорского двора, посланную всем губернаторам: “Первого сентября во время второго антракта народного спектакля в киевском городском театре на жизнь Председателя Совета Министров П. А. Столыпина было произведено покушение”» [6, с. 599]. Следом Джунковский излагает поступавшие подробности: «П. А. Столыпин остался в партере <...> опершись на барьер, разговаривал с графом Потоцким <...> В это время к ним подошёл молодой человек <...> Блеснул револьвер, раздались два коротких сухих выстрела. Столыпин... резким движением расстегнул китель и снял его. Над правым карманом белого кителя виднелось красное пятнышко. Только тут стало ясно, что произошло покушение <...> повернулся к царской ложе и перекрестил её <...> отвезли в частную лечебницу доктора Маковского. Положение раненого было признано очень тяжёлым <...> Опасались поражения печени, что и оказалось впоследствии» [6, с. 600].

Как московский губернатор Джунковский пишет о восприятии этого печального события в Москве: «...известие о злодейском покушении передавалось из уст в уста, все слои общества одинаково негодовали» [6, с. 600]. Получив раз-

решение министерства внутренних дел, Джунковский «выехал в Киев, но уже не застал Столыпина в живых. Он скончался 5 сентября <...> Он выразил желание быть похороненным в Киеве, несмотря на то, что в Москве находился семейный склеп Стольпиных. Воля почившего была свято выполнена <...> по высочайшему повелению, для погребения отвели место в лавре, рядом с исторической могилой Кочубея и Искры <...> Здесь был весь русский Киев и множество прибывших» [6, с. 602].

И далее Джунковский выражает свои чувства в отношении Столыпина-человека и государственного деятеля, «рыцаря России, воина Русского государства» [6, с. 602].

Вернувшись в Москву, Джунковский издаёт приказ по полиции (от 13 сентября): «5 сентября от ран, нанесённых рукою убийцы, скончался Председатель Совета Министров, статс-секретарь Пётр Аркадьевич Столыпин. Чувствами глубочайшей скорби и острого негодования отозвалась Россия на весть о предательском нападении на почившего. В течение нескольких дней мысль всех русских людей была прикована к Киеву, где медленно угасал бесстрашный слуга Престола и Родины <...> Будем же, следуя его доблестному примеру, бесстрашно бороться с врагами Престола, какие бы опасности ни возникали на пути исполнения нашего долга» [6, с. 604, 605].

Именно следуя своему пониманию «долга», Джунковский пишет о «преступной политике охранных отделений...», как в Киеве»; «Убийцей Столыпина оказался Богров, агент охранного отделения. Убийство особенно ужасно своей простотой и лёгкостью, с какою оно было совершено» [6, с. 606].

Здесь можно привести второе отступление, в котором современный автор «Жизнеописания» П. А. Столыпина Г. Сидоровнин в главе XV «Смерть» приводит среди других материалов «Показания Богрова» (7, с. 458–469) и заключает: «...похоже, тайну главного для России убийства Богров унёс с собою в могилу» (7, с. 470).

Особо неприятен Джунковскому генерал Курлов, который «в своих воспоминаниях об этой, более чем печальной трагедии <...> старается выгородить себя, <...> пытается свалить вину на покойного министра, а это приём уже более чем недостойный» [6, с. 607]. Столыпин же, считает Джунковский, «доверившись» Курлову, «пал жертвой этого доверия» [6, с. 607].

Таким образом, мы видим, что трагическое событие 1 сентября 1911 г. в Киеве, смерть П. А. Столыпина, оставило свой яркий след и в государственной, политической жизни России, и в памяти современников. Особенно интересны и показательны в этом плане воспоминания видных

участников-свидетелей того временного периода, самой «катастрофы»: графа С. Ю. Витте, министра финансов, ставшего премьером Н. В. Коковцова, лидера кадетской партии П. Н. Милюкова, генерал-майора Свиты, московского губернатора (1905–1912), товарища министра внутренних дел, командира Отдельного корпуса жандармов (1913–1915) В. Ф. Джунковского. В их мемуарах стольпинский сюжет излагается со знанием дела и пониманием (в разных, но взаимосвязанных аспектах) существа события – в его внешних и внутренних слагаемых и проявлениях.

Воспоминания Н. В. Коковцова и сейчас могут быть основой телесериала «1 сентября 1911» или художественного фильма «Смерть Столыпина». А какие «стилистические страсти» кипят в мемуарах С. Ю. Витте, как точен и вместе с тем метафоричен в своей аналитике П. Н. Милюков, как честен и верен своему долгу В. Ф. Джунковский.

Вот кого нужно было бы прочитать современному публицисту В. Шамбарову [8], чтобы понять и «тайну преступления», и «версии заказа», и «действующие силы». Труды наших мемуаристов дают/раскрывают атмосферу времени, российские нравы, механизмы государственной системы. И это главное.

Список литературы

1. *Витте С. Ю.* Воспоминания : в 3 т. Т. 3. (17 октября 1905–1911). Царствование Николая II. М. : Соцэкгиз. 1960. 724 с.
2. *Голиков А.* Воспоминания С. Ю. Витте : публикации и публикации // Российская история. 2021. № 6. С. 159–167.
3. *Русин Д.* Вдовствующая императрица Мария Фёдоровна и С. Ю. Витте в политической жизни России конца XIX – начала XX в. // Российская история. 2021. № 4. С. 137–147. <https://doi.org/10.31857/S086956870016253-9>
4. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1911–1919 / сост., авт. вступ. ст., коммент. С. С. Волк. М. : Современник, 1991. 590 с. (Серия мемуаров «Память»).
5. *Милюков П. Н.* Воспоминания (1859–1917) : в 2 т. Т. 2. / сост., авт. вступ. ст. М. Г. Вандалковская. М. : Современник. 1990. 446 с.
6. *Джунковский Ф. Ф.* Воспоминания : в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. А. Л. Паниной.; предисл., примеч. И. М. Пушкарёвой, З. И. Перегудовой. М. : Изд-во им. Сабашниковых. 1997. 736 с.
7. *Сидоровнин Г. П.* А. Столыпин. Жизнь за Отечество : Жизнеописание (1862–1911). Саратов : Культ. центр им. П. А. Столыпина (ГУП Сарат. полигр. комб.), 2002. 600 с.
8. *Шамбаров В.* «Им нужны были великие потрясения» // Свой. 2021. № 8. С. 4–7.

Поступила в редакцию 04.02.2022; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 15.02.2022
The article was submitted 04.02.2022; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 15.02.2022